

УДК 801

ББК 81.0

К 96

О.Ю. Кущева

Антропоцентрическая парадигма в современной лингвистике

Аннотация:

В статье рассматривается идея антропоцентричности языка, взаимосвязь языка и культуры, лингвокультурология как продукт антропоцентрической парадигмы в современном языкознании и понятия, составляющие основу категориального аппарата этой научной дисциплины: языковая личность и концепт.

Ключевые слова:

Антропоцентрическая парадигма, язык и культура, лингвокультурология, языковая личность, концепт.

В науке о языке традиционно выделяются три научные парадигмы: сравнительно-историческая (характерная для языкознания XIX века и основанная на сравнительно-историческом методе), системно-структурная (в центре внимания которой находится слово) и, наконец, антропоцентрическая, «возвратившая человеку статус «меры всех вещей» и вернувшая его в центр мироздания» (3, С.64). В рамках данной научной парадигмы интересы исследователя «переключаются с объектов познания на субъекта, т.е. анализируется человек в языке и язык в человеке» (4, С.6).

Язык всегда признавался самой яркой определяющей характеристикой этноса. Проблема «язык и культура», «язык и человек» была одной из центральных в языкознании XIX века и рассматривалась в трудах В. фон Гумбольдта, Э. Бенвениста, Г. Штейнталя, А.А. Потебни и других ученых. Однако в первой половине XX столетия она была оттеснена на второй план, и язык стал рассматриваться «в самом себе и для себя». Как справедливо отмечает Ю. К. Волошин, «многие десятилетия лингвисты изучали «человека молчавшего» (язык был как бы сам по себе, а человек – сам по себе). Осознание необходимости изучать язык и человека комплексно, т.е. «говорящего человека», побудило исследователей уделить серьёзное внимание всем аспектам этой сложной проблемы» (2, С.20).

Таким образом, идея антропоцентричности языка является ключевой в современной лингвистике. С позиций данной парадигмы, человек познает мир «через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем», и это придает ему право «творить в своем сознании антропоцентрический порядок вещей», который определяет его «духовную сущность, мотивы его поступков, иерархию ценностей» (4, С.6-7).

Антропоцентрическая парадигма лингвистики XX века делится на четыре взаимосвязанных, но тем не менее разных направления. Первое направление исследует язык как «зеркало» человека, базовым для него является понятие языковой картины мира, а основной задачей – изучение того, как человек отражает себя в языке. Второе направление – коммуникативная лингвистика, ее характеризует интерес к человеку в первую очередь в его отнесенности к процессу коммуникации. Третье направление изучает, прибегая к данным других наук, роль языка в познавательных процессах и когнитивной организации человека. Четвертое направление антропоцентрической

лингвистики, не имея собственного названия, нацелено на выяснение того, каким образом язык существует в самом человеке. С.Г. Васильева предлагает называть данный раздел языкознания внутрисубъектной лингвистикой или же теорией носителя языка (1). Её основателем признается И. А. Бодуэн де Куртенэ, который считал, что «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество».

Язык – довольно сложное и многогранное явление. Чтобы отразить это, Ю.С. Степанов представил его в виде нескольких образов: 1) язык как язык индивида; 2) язык как член семьи языков; 3) язык как структура; 4) язык как система; 5) язык как тип и характер; 6) язык как компьютер; 7) язык как пространство мысли и «дом духа» (М. Хайдеггер) [М, С.6]. В конце XX века язык стал рассматриваться также как «продукт культуры, как ее важная составная часть и условие существования, как фактор формирования культурных кодов» (4, С.6). Появились новые установки и цели исследования языка, новые ключевые понятия и методики.

Таким образом, формирование антропоцентрической парадигмы привело к «развороту лингвистической проблематики в сторону человека и его места в культуре, ибо в центре внимания культуры и культурной традиции стоит языковая личность во всем ее многообразии: Я-физическое, Я-социальное, Я-интеллектуальное, Я-эмоциональное, Я-речемыслительное» (4, С.7). «Все языкознание пронизано культурно-историческим содержанием, ибо своим предметом имеет язык, который является условием, основой и продуктом культуры» (4, С.8).

Культура имеет коммуникативно-деятельностную, ценностную и символическую природу. Язык не просто теснейшим образом связан с ней: он «прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее» (4, С.9). Ведь, как известно, «все тонкости культуры народа отражаются в его языке, который специфичен и уникален, т.к. по-разному фиксирует в себе мир и человека в нем» (4, С.3). Ю.К. Волошин отмечает, что «культура зачастую сама по себе нема, и в этих случаях ей без языка не обойтись» (2, С.5).

Идея о взаимосвязи этих двух понятий нашла свое отражение в лингвокультурологии – науке, возникшей на стыке лингвистики и культурологии и исследующей «проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке». Основу категориального аппарата

данной научной дисциплины составляют термины «языковая личность» и «концепт».

В настоящее время известны различные подходы к изучению языковой личности. Прежде всего под этим термином понимается человек как носитель языка, взятый со стороны его способности к речевой деятельности, – по существу личность речевая. Также под ним понимается совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения, – личность коммуникативная. И, наконец, под «языковой личностью» может пониматься закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, своего рода «семантический фоторобот», составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре – личность словарная, этносемантическая (3).

Концепт определяется как «сгусток культуры в сознании человека; то в виде чего культура входит в ментальный мир человека и как то, «посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» (5). По словам С. Г. Воркачева, «выделение концепта как ментального образования, отмеченного лингвокультурной спецификой, – это закономерный шаг в становлении антропоцентрической парадигмы гуманитарного, в частности, лингвистического знания. По существу в концепте безличное и объективистское понятие авторизуется относительно этносемантической личности как закрепленного в семантической системе естественного языка базового национально-культурного прототипа носителя этого языка» (3, С.67).

Итак, антропоцентрическая парадигма выводит на первое место человека, а язык считается его главной характеристикой, важнейшей составляющей. Культура и язык – «антропоцентрические сущности, они в человеке, служат человеку и без человека не имеют смысла» (2, С.23). Лингвокультурология является «продуктом» антропоцентрической парадигмы в современной лингвистике. Языковая личность и концепт – ее базовые категории, «отражающие ментальность и менталитет обобщенного носителя естественного языка и предоставляющие этой научной дисциплине исследовательский инструмент для воссоздания прототипического образа «человека говорящего» (3, С.72).

Примечания:

1. Васильева С.Г. И.А. Бодуэн де Куртэнэ и антропоцентрическая парадигма лингвистики XX в. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/participants/psearch.php?pid=94128>.
2. Волошин Ю.К. Общий американский сленг: состав, деривация и функция (лингвокультурологический аспект): Монография. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2000. – 282 с.
3. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – №1. – С.64-72.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр Академия, 2001. – 208 с.
5. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.